

Природа надумала вместе с людьми отметить праздник весны и Труда – Международный День солидарности трудящихся – 1 мая. До этого стояла серая, промозглая апрельская погода: с остатками грязного снега, лужами, беспрерывно сеющим мелким туманным дождем и неумелой ксилофонной игрой капли на старой проржавевшей водосточной системе. И вдруг, как по заказу, перед майскими небо прояснилось, веселое яркое солнце прошлось по всем закоулкам жаркой метлой, прибрав и приукрасив город к предстоящим праздничным дням. Птичье многоголосье брачных песен слилось в единый свадебный хор. Робкая зелень ожила: радостно прорастая из своей колыбели в детство и юность, не заботясь, и не переживая о неизбежной осенней старости.

Колонна Треста горпродснаба формировалась возле Клуба нефтяников. Виктор пришел на демонстрацию один. Жена осталась дома – в комнате общежития с маленьким Никиткой. Сотрудники и коллеги Треста дружно подтягивались к месту сбора. Праздник встречали в приподнятом настроении: во-первых, лишней выходной день, во-вторых, все соскучились по ярким солнечным дням, по свету и теплу. У женщин на лицах оттаяли улыбки, а мужики громко смеются на свежий анекдот. Кто-то уже успел «принять» и тут же предлагает выпить самогона из охотничьей фляжки или сделать глоток-другой прямо из «горла» бутылки с «паленой» водкой.

Виктор отказался. Он не был закоренелым трезвенником, но и не хотел сегодня расстраивать жену, которая, как только он вернется домой, тут же учует хмельной запах. Заедай-не заедай лаврушкой – все равно узнает. Не хотелось провоцировать очередной скандал, тем более что они договорились отметить Первомай по-семейному: втроем или с родителями, если те надумают навестить их в общежитии.

Парторг, Андрей Николаевич, сразу определил, кого можно поставить во главе колонны нести знамя. Выбор пал на трезвого Виктора.

– Выходим с улицы Ленина, идем до Малой Коммунистической, – в который уже раз объяснял парторг маршрут трестовской колонны, – сворачиваем на Советский проспект, вливаемся в общую городскую колонну и двигаемся вместе со всеми мимо главной трибуны.

– «Ура» кричать? – спросили из подогретой мужской компании

– Кричать. На призывы с трибуны кричать обязательно, – пояснил Андрей Николаевич.

– Ура! Ура! Ура! – без всяких призывов заорали мужики.

Парторг, не обращая на них внимания, подошел к Виктору.

– А тебе, Виктор, – доверительно начал он, – поручаем самое святое – нести наше знамя впереди колонны. Знамя из актового зала! Переходящее знамя министерства, завоеванное нашим Трестом. – с чувством гордости и ответственного доверия парторг многозначительно всматривался в глаза Виктора. – Справишься?

– Чего тут, справлюсь. Как говорят: «Спасибо за доверие».

– Внимание! – парторг снова призвал толпу сослуживцев выслушать новое объявление. – После прохождения демонстрации все транспаранты, плакаты и портреты членов Политбюро занести к Кооперативной улице. Там в тупике будет ждать автобус.

– «Буханка», – уточнил шофер с транспортной базы.

– Не «Буханка», а УАЗ-452, – поправили своего коллегу.

– Да, да, наш автобус. В него сложите всю наглядную агитацию и можете идти по домам. Праздновать. Только не забывайте об антиалкогольной кампании. Помните: «Трезвость – норма жизни!», – не вступая в полемику, парторг демонстративно отвернулся к Виктору и еще раз напомнил об ответственности за переходящее знамя министерства: – Ты, Виктор, не потеряй его, сразу же занеси на Кооперативную улицу и сдай в автобус.

– Да что вы, Андрей Николаевич? За кого вы меня принимаете?

* * *

Многоликая красочная колонна трудящихся медленно продвигалась по Советскому проспекту. Между соседствующими колоннами городских организаций, соблюдая общий ритм движения, ехал нарядный грузовик с лозунгом по бортам: «Перестройка – продвижение великих свершений Октября!» Над кузовом грузовика возвышалась большая фанерная конструкция серпа и молота. В руках демонстрантов встречались красные бумажные гвоздики, флажки и флаги, дети на плечах родителей махали надувными шариками. Динамики с центральной трибуны эхом разносили на несколько кварталов: «Да здравствует демократия, перестройка и гласность!»

– Ура! – отвечала праздничная колонна.

– С праздником Первого мая, товарищи! Слава КПСС – вдохновителю нового политического мышления!

– Ура! Ура!

– Приветствуем работников Треста городского продовольственного снабжения – многократного победителя социалистического соревнования! Ура, товарищи!

– Ура! Ура! Ура!

Виктор выпрямился, крепче сжал древко знамени и, как олимпийский знаменосец, вытянул руки вперед. Тяжелое бархатное полотнище ласково гладило его по щеке. Коллеги рядом, не переставая, кричали: «Ура».

Наконец-то они миновали главные городские трибуны с главными городскими начальниками, механически приветствовавшими своими ладошками, как щетками автомобильных стеклоочистителей, демонстрацию трудящихся.

Виктор скрутил знамя и, держа древко через плечо, направился к автобусу – «буханке». Его товарищи как-то быстро растворились и разбежались, скрывшись в соседних подворотнях и переулках. Древко знамени давило на плечо, и он только сейчас понял, чего ему стоил «выпендрей» перед трибунами. Он устал. Виктор зацепился глазами за спину впереди идущего работника треста, тоже несущего через плечо два портрета членов Полибюро на фанерных щитках с деревянной ручкой. «Почему два? – подумал Виктор – Наверно, кто-нибудь дал ему донести свой плакат до автобуса на Кооперативной», – успокоился он. Работник треста свернул в один проулок, в другой, прошел между домами и оказался во дворе новеньких многоэтажек. Неожиданно для Виктора он подошел к мусорным контейнерам, оставил возле баков портреты и скрылся в подъезде одного из высотных домов.

Это была не Кооперативная улица. Куда занесло Виктора и как отсюда выбраться – он не знал. Но как говорится: «Язык до Киева доведет». С горем пополам он добрался до тупика на Кооперативной улице, но автобуса там уже не было. Решение занести знамя в Трест самостоятельно напрашивалось само собой. Путь до конторы не близок, и знамя то и дело разматывалось, свисая со спины. Праздные люди, встречающиеся ему на пути, весело кричали вслед: «Ура! С Первомаем!»

Двери конторы были наглухо закрыты на все замки. Виктор направился к вагончику проходной базы Треста ГПС, где должен дежурить сторож. В вагончике, кроме сторожа, оказалась пьяная компания из трех посторонних человек.

– Знамя принес? – недовольно спросил сторож. – Давай его сюда...

– Не боись, не пропьем.

– А интересно, сколько за такое знамя выручить можно?

– Пять лет! Охренел? Оно бесценно!

– «Шел под красным знаменем командир полка.

Голова обвязана, кровь на рукаве,

След кровавый стелется по сырой траве...» – запел тягучим голосом один из собутыльников.

Виктор развернулся и, не вступая с пьяной компанией в пустые разговоры, вышел из вагончика вместе со знаменем. После всего увиденного он не решился оставить знамя у сторожа и принес его домой, к себе в общежитие.

Пролетели три дня выходных.

Виктор, убегая с утра на работу, не вспомнил про знамя, которое стояло у него в комнате, в дальнем углу платяного шкафа. Не вспомнил про него и на работе, до того момента, пока их всех не пригласили после обеда зайти в актовй зал на представление коллективу нового директора Треста. На прежнего директора ОБХСС завел дело, и его от греха подальше до суда сняли с должности директора. Трест долгое время работал без главного руководителя, и вот, наконец, к ним прибыл новый назначенец от Министерства.

– Жучок! Еще одного жучка прислали. – глядя на низкорослого полноватого мужчину с узкими заплывшими глазами на круглом лощеном лице, мужики сразу припечатали новому директору прозвище.

– Товарищи! – начал собрание главный инженер. – Главное министерство проводит ротацию кадров, и в руководство нашим Трестом назначен опытный руководитель Георгий Константинович Головка!

Виктор удивлялся тому, что никто из присутствующих ни в зале, ни на сцене не обращает никакого внимания на пустую стеклянную тумбу, в которой обычно и находилось министерское знамя.

«Жучок» повторял первомайские лозунги, ставил перед коллективом задачи и страдал, но никто его не боялся.

На следующий день Виктор вернул знамя на предприятие и лично вставил его в стеклянную тумбу в актовом зале.

* * *

Старой метле все дальние углы знакомы, ну а новая метла по-новому метет. Кому-то нравились новые порядки Георгия Константиновича, кому-то нет, но все без исключения были довольны появившейся в тресте традицией, получать подарки к праздникам. Знал директор, как наш человек любит проявление внимания к своей особе и неожиданно свалившуюся в руки «халяву». Кто-то считал, что продовольственными пакетами с колбасой, чаем, мылом и сигаретами на такие праздники, как Новый год, Первое мая и Октябрьские, директор просто подкупает коллектив. А кто-то думал, что так оно и надо, так и положено по закону, во времена нового экономического мышления.

Георгий Константинович начал свою деятельность с перестройки собственного кабинета. Были заказаны и привезены из столицы мраморные плиты для пола, кафель, панели, новая сантехника, кожаные кресла и диваны. По спецзаказу на местной мебельной фабрике изготавливалась корпусная офисная мебель. Бригада отделочников занималась штукатуркой стен приемной, кабинета секретаря, кабинета директора, комнаты отдыха и кабинета главного бухгалтера.

Мастер бригады отделочников доложил об окончании штукатурных работ. Директор лично устраивал приемку завершения каждого этапа ремонта кабинетов.

– Ну как дела? – весело спросил он у штукатуров.

– Все закончили.

– Посмотрим, посмотрим... На беглый взгляд все качественно.

– Мастерство не пропьешь. – в тон ему шуточно ответил штукатур.

– А вот здесь, что за волна?

– Да, товарищ, директор, – оправдывался мастер, – дак она же совсем маленькая, незаметная. В сантиметр всего-то будет. Сойдет и так.

– Вы какой ремонт делаете? Как в вашей заявке написано?

– Евроремонт.

– Не бывает ремонта ни Евро, ни Советского, никакого! Бывает только нормальный ремонт с правильно выполненными работами. Еще бы вы мне, как в колхозном клубе, панели темно-зеленой краской выкрасили. Тогда совсем ваша халтура незаметна станет. Все переделать заново! И чтобы никаких волн больше не было.

И так во всем. Директор со всех требовал «правильной» работы, часто подкрепляя фразой: «Я человек конкретный!»

Работники Треста поговаривали: «Мягко стелет, да жестко спать. – «Конкретный» всех уже конкретно задолбал!»

Кто-кто, а Виктор на директора обиды не держал, наоборот, благодарен ему. Их было семь человек, посланных от Треста на уборку картофеля в пригородный совхоз. Было холодно. Пальцы на руках одеревенели от сырой земли и грязной картошки. Только у костра, с печеной в углях картошкой и выпитой водкой, прошла мелкая, знобящая дрожь по всему телу. Когда их привезли в город, Виктора угораздило уснуть на автобусной остановке. Проснулся он в «воронке» спец.мед службы. Ничего не помогло: ни мольбы, ни уговоры, ни задабривания – «телегу» с вытрезвителя доставили на работу. По этому поводу парторг собрал планерку, пришли бабы из бухгалтерии, профком Треста, и стали они все вместе решать, какое наказание применить к Виктору. «Ты, – говорит парторг, – человеческий облик потерял! В то время, когда вся страна под руководством коммунистической партии борется с алкоголизмом, тебя угораздило попасть в медицинский вытрезвитель!» – «Андрей Николаевич, – оправдывался Виктор, – Вы же знаете, я не пью. Так получилось». – «Бьют не за то – что пьют, а за то – что попадают!» – отрезал парторг. И наказали Виктора на «полную катушку». Лишили квартальной премии, тринадцатой зарплаты, объявили выговор «с занесением», вывесили фотографию на стене позора и... И отбросили в очереди на квартиру назад, аж на тридцать номеров!

Виктор вернулся с работы в общежитие, в комнату шестнадцати квадратных метров, в которой они уже прожили шесть с половиной лет. Жена только взглянула на него, все поняла без слов и зарыдала в голос, Никитка, не понимая, что случилось, заплакал, прижавшись к маме. Виктор тоже не смог сдерживать слез. Устраиваясь на работу в Трест, Виктор встал в очередь на квартиру тридцатым по списку. И вот, когда он вошел в первую пятерку по списку на квартиру, придется начинать все с начала.

Что делать, пошел к директору, все ему объяснил, и Георгий Константинович «конкретно разрулил» ситуацию. Выговор «с занесением» отменил, в очередь на квартиру восстановил, лишил квартальной премии, а тринадцатую зарплату не тронул. Через полгода Виктор получил заветный ордер и ключи от двухкомнатной квартиры в новой «панельке» на памятной Кооперативной улице. Задерживаться в Тресте он не стал, написал заявление по собственному желанию и по приглашению старого приятеля устроился к нему в «ЧП». Рекламный слоган «Частное предприятие – честного предпринимателя» фирмы старого приятеля звучал чуть ли не из каждого утюга и красовался чуть ли не на каждом заборе. На деле же оказалось, что честность приятель понимает однобоко, и Виктор довольно скоро ушел от него. Надо было устраивать комфортное жилье в пустой квартире, и он ударился в «челночный» бизнес, но это уже совсем другая история.

* * *

В ту пору еще можно было попасть на прием к директору без предварительной записи и многочасового ожидания в новой европриемной. Давно сложившееся представление о том, что трест существует для

коллектива трудящихся в нем работников, не устраивал Георгий Константиновича. Трест городского продовольственного снабжения он воспринимал как свое личное «хлебное поле», на котором не может существовать множество мелких «частных владений». И, как нельзя кстати, к этому времени страна сорвалась с зажимов, порвала узды и радостно понеслась на свободу, на дикую волю-вольную. Старт забегу был дан во время стыдливого ночного спуска государственного Красного Знамени СССР в Кремле.

* * *

Георгий Константинович вместе с главной бухгалтершей корпел над бумагами по акционированию Треста. Уборщица Клава, широко открыв дверь кабинета, прихватив с собой ведро и швабру, не глядя по сторонам, вошла и от неожиданности замерла на месте. Она не ожидала, что директор до сих пор находится на работе.

– Ой, извините, Георгий Константинович, я думала вы давно ушли.

– Ничего, ничего. Мы скоро заканчиваем. А вы пока сходите в акт-овый зал, достаньте там знамя со сцены, сложите его и принесите мне в кабинет. Мы к этому времени освободимся.

– Хорошо, Георгий Константинович. – и, оставив у дверей свой инвентарь, уборщица ушла выполнять указание директора.

Не прошло и недели, как на общем собрании коллектива Треста большинством голосов было принято решение об акционировании предприятия. Каждый работник теперь «имел» свои акции, с чем и согласился, ставя подписи в общей ведомости. Трест с этого момента стал называться по-другому – ОАО «Продукты. Опт и розница», а Георгий Константинович – Генеральным директором. Те, кому было позволено побывать в кабинете у Генерального, обратили внимание на произошедшие изменения. На стене, где раньше висела фотография генерального секретаря ЦК КПСС, теперь это место занимал большой живописный портрет маршала Георгия Константиновича Жукова. Профессиональный художник изобразил его во всех орденах и регалиях на фоне парада Победы на Красной площади. Художник выбрал самый яркий, кульминационный момент парада, когда в парадном строю воины-победители бросают к стене Мавзолея знамена поверженной фашистской Германии.

– Жора, давно тебя хотела спросить...

В кабинете за столом сидели друг против друга директор ОАО и небольшого роста женщина – в меру полноватая, в меру молодящаяся, круглолицая, светловолосая, с умными вдумчивыми глазами. Это была главный бухгалтер Треста, а ныне соучредительница ОАО «Продукты».

– О чем, душка? – нарочито шутливо переспросил он ее так, что было непонятно, первая буква звучала как «д» или как «т».

– Жора, опять! Хотела спросить, зачем ты здесь повесил картину Жукова, а не портрет Президента?

– Не думай, не из самомнения. Моего отца звали Константин, а он боготворил маршала Победы, ну и назвал меня в честь его – Георгием. Я вот подумываю о следующем нашем шаге. Надо приватизировать все акции Треста и создать из бывшего ОАО – ЗАО – закрытое акционерное

общество с широким спектром торговли, и тогда можно будет назвать наше ЗАО «Победа». Вот и картина будет к месту.

– Не слишком ли громкое название для обычной торговой фирмы?

– Не слишком. Наша фирма будет не совсем обычной, а сетевой, и название у нее будет не совсем «Победа», а «Виктория».

– Другое дело.

– Кстати, о названиях. На днях предприниматель Вагин регистрировал свое «ЧП». Я его спрашиваю – как оно будет называться? И он, на чистом глазу, отвечает: «ЧП Вагина», – «А ударение, – говорю, – не на последнем слог?» Смотрит на меня как баран на новые ворота, ничего не понял.

– Фу, Жора! – женщина не сдержала усмешки, но тут же вернулась к прежней теме. – С приватизацией, я думаю, все будет проще. Главное дело сделано, списки составлены.

– Да, вот тебе за работу, – по гладкой поверхности стола Георгий придвинул в ее сторону толстый запечатанный конверт. – Надо это дело отметить.

Бутылка шампанского салютовала им мягким пробковым хлопком с легкой газовой дымкой. Георгий сразу разлил пенящийся напиток в высокие бокалы.

– Ну, будем! – с хрустальным звоном они чокнулись и выпили.

– Будем? – хитро прищурившись и эротично улыбаясь, переспросила женщина, – Будем?

– Ну, давай будем, закрепим, так сказать, договор...

– Только на твоём кожаном жестком диване никакого комфорта. Можно мозоли натереть, хоть бы подстелил что-нибудь для женщины...

– Подстелить? Что подстелить, а вот, пожалуй, лучше всего подойдет...

Георгий Константинович открыл дверцы стеклянного шкафа, взял с полки аккуратно сложенное бархатное полотнище переходящего знамени министерства, неоднократно завоеванное трестом Горпищеснаба, и устелил им кожаный диван...

ЭПИЛОГ

Ушла страна, ушло время вперед к личному комфорту, к разобщенности, к утрате идеалов и общественных ценностей. Время комфорта прибирало людские тела, разбрасывая их по пляжам морских и океанских побережий, пристегивало к автомобильным креслам, огораживало глухими заборами дворцы и хижины, делило и разделяло семьи, убивало и калечило. Время комфорта справляло свою победу над легковерными, наивными людьми, поверившими в его надежность и постоянство.

Виктор Авенирович Борисов

г. Вологда